

Капсула времени и прогулки на Марс: об инструментах колонизации будущего

Елена Малая (р. 1992) – младший научный сотрудник центра «Человек, Природа, Технологии» Тюменского государственного университета.

ПИСЬМА СО ДНА ЧЕРНОГО МОРЯ

17 октября 1967 года новороссийская десятиклассница Оля П. написала письмо в будущее. Поздоровавшись с читателем из 2017 года, она призналась, что завидует ему, потому что в его время уже нет угнетения человека человеком, а сам он наверняка живет на другой планете. Оля была не одинока в своем эпистолярном порыве: в те дни письма в будущее написал весь ее класс и половина школы, а также ученики других учебных заведений Новороссийска – пять сотен посланий в XXI век поступили в редакцию газеты «Новороссийский рабочий». Там в отдельном кабинете собирались участники журналистского кружка, школьники и студенты, называвшие свое объединение «Шхуной ровесников», а себя – *шхунатами*. Руководил ими молодой журналист Константин Подыма, который и организовал в Новороссийске массовую отправку писем в XXI век. Из огромного числа поступивших в редакцию текстов были отобраны 66. Их дополнили фото-, аудио- и видеоматериалами, торжественно запечатали в специально изготовленную герметичную капсулу и отправили на дно Цемесской бухты на пятьдесят лет.

Идея написания писем, в отличие от идеи их подводного хранения, принадлежала не Подыме – в 1960-е, и особенно в 1967-м, это было распространенной ритуальной практикой на стыке между официальными и низовыми советскими инициативами. В год пятидесятилетия октябрьской революции, как и в следующий за ним год пятидесятилетия комсомола, по всему СССР было заложено множество капсул с посланиями потомкам. Такие капсулы времени представляли собой контейнеры с текстами, адресованными жителям будущего и написанными чаще всего от лица различных советских коллективов (колхозов, комсомольских ячеек, пионерских отрядов и так далее). Тексты посланий зачитывались на митингах, капсула торжественно закрывалась и помещалась в место хранения: закапывалась в землю, замуровывалась в стену или закладывалась в основание памятника, чтобы быть открытой в определенную дату – через сорок, пятьдесят или сто лет с момента запечатывания. Зна-

чально такая практика сложилась в США в XIX веке, достигла своего расцвета в 1930-е и была тесно связана с американской гражданской религией и футуристическими ожиданиями эпохи модерна¹. Затем ее заимствовал Советский Союз. Вероятно, первой капсулой времени в СССР стала «Ракета времени», заложённая в 1960-м в Артеке и «отправленная» в 2000 год.

С лета 2021 года я работаю с фондами Новороссийского исторического музея (ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник»), в которые было передано содержимое капсулы «Шхуны ровесников», поднятой со дна моря в 2017 году в целости и сохранности. У меня была возможность ознакомиться с обширной коллекцией текстов, обращенных в будущее, которая содержит 66 отдельных писем, а также несколько десятков рисунков, фотографий и других предметов, «отправленных» в XXI век (комсомольских значков, пленок с аудио- и видеозаписями и так далее). Помимо работы в архивах, я вела полевую антропологическую работу: в течение двух недель летом 2021 года и недели в начале февраля 2022-го я беседовала как со шхунатами советских времен, так и с их нынешними преемниками (сообщество «Шхуны ровесников» существует по сей день) и с разрешения своих собеседников присутствовала на мемориальных акциях, которые они проводят.

Основание и история «Шхуны ровесников» подробно задокументированы в одноименной рубрике газеты «Новороссийский рабочий», отведенной под публикации шхунатов². С газеты все и началось: руководство редакции дало задание молодому сотруднику Константину Подыме (1946–2013) организовать журналистскую работу школьников и раз в две недели предоставляло для их публикаций две трети газетной полосы. Вероятно, на ее создание повлиял пример «Алого паруса» – тематической рубрики для старшеклассников в «Комсомольской правде». Подыма оказался талантливым организатором, под руководством которого журналистский кружок превратился в отряд, репрезентировавший себя в эстетике романтического морского милитаризма. У «Шхуны ровесников» были система рангов (лоцман, капитан, помощник капитана, мичман, матрос, курсант), бортовой журнал, присяга, регулярные собрания в редакции («палубные сборы») и, главное, «операции» – различные полезные дела, которыми занимались шхунаты, отчитываясь затем о них в газете. Жизнь шхунатов во многом состояла из неформаль-

ЕЛЕНА МАЛАЯ

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

1 Подробнее см.: YABLON N. *Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule*. Chicago: University of Chicago Press, 2019; JARVIS W.E. *Time Capsules: A Cultural History*. Jefferson: McFarland & Company, 2002.

2 Кроме того, много материалов содержится в воспоминаниях ее основателя и участников; см., например: Подыма К.И. *Счастливого плавания, «Шхуна ровесников»!* М.: Детская литература, 1975; Буравкин В.В. *«Сага о Шхуне». Прозаическое сказание*. Новороссийск: Одиссей, 2015.

ного общения, репортерской работы в школах и оформления газетной рубрики, однако основной упор Константин Подыма сделал на коммеморативные и воспитательные мероприятия: мемориальные акции в память героев войны, поисковое движение и музеефикация памяти павших. Самая знаменитая акция, придуманная шхунатами, – «Бескозырка»: ежегодный ритуал поминовения десантников, освобождавших Новороссийск от немецкой оккупации в 1943 году, в рамках которого в ночь на 4 февраля в свете свечей и факелов в море опускается бескозырка³. Мемориальная акция проводится до сих пор – как силами городских властей Новороссийска (возле мемориала «Малая земля»), так и сообществом «Шхуны ровесников» (с 1999 года – в поселке Южная Озереевка).

Спектр деятельности «Шхуны ровесников» роднит ее с коммунарским движением. Так же, как «Коммуна юных фрунзенцев» и ее аналоги, «Шхуна» требовала от своих членов самостоятельности, инициативности и смелых поступков⁴. «Операции» шхунатов позиционировались как значимые и серьезные дела и, по воспоминаниям, «наполняли настоящим смыслом советские лозунги»⁵. Это тоже сближает их с коммунарскими группами, некоторые из которых прямо противопоставляли свою деятельность формализму пионерских организаций⁶. Морская романтика «Шхуны» позволяет провести прямую параллель с «Каравеллой» – молодежным движением, организованным писателем Владиславом Крапивиним в Свердловске в 1961 году⁷.

Частично деятельность «Шхуны ровесников» была описана в исследовательской литературе ранее⁸, однако по масштабу и объему материалов она заслуживает более детального антропологического исследования, сравнимого с работами Дарьи Димке о «Коммуне юных фрунзенцев». Тексты, вложенные в капсулу

- 3 DAVIS V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War II in Brezhnev's Hero City*. New York: Bloomsbury Publishing, 2017; Попов А. Д. «С памятью в сердце»: патриотическое воспитание и мемориальные традиции в городах-героях Севастополь, Керчь и Новороссийск (1950–1980-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5. № 4(71). С. 80–90; Юрина Т. И. *Новороссийский феномен восприятия действительности через призму военной памяти // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество*. Пенза: Издательство ПГУ, 2016. С. 35–39.
- 4 Димке Д. В. *Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной // Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / Сост. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов*. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 360–397; Она же. *Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов*. М.: Common place, 2018.
- 5 Цитата по полевому дневнику, беседа с Н.Щ., давней участницей движения, июль 2021 года.
- 6 Козлов Д. С. *Неофициальные группы советских школьников 1940–1960-х гг.: типология, идеология, практики // Острова утопии...* С. 451.
- 7 Димке Д. В. *Незабываемое будущее...* С. 90–92; Крапивин В. *Струна и люстра*. М.: Эксмо, 2007.
- 8 DAVIS V. *Memory for Sale: Local and National Interpretations of Brezhnev's Malaia Zemlia // Twentieth Century Wars in European Memory*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. P. 135–150; ИДЕМ. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia...*; Попов А. *Указ. соч.*; Юрина Т. *Указ. соч.*

времени «Шхуны», прежде не становились предметом исследования и не публиковались. Мероприятия, которые проводила «Шхуна», ранее рассматривались через призму советской и постсоветской педагогики, исторической памяти и патриотического воспитания. Я же собираюсь поместить некоторые из них в более широкий контекст оттепельного и позднесоветского астрофутуризма (пользуясь определением Де Витта Килгора – представлений о космическом будущем, опирающихся на научную фантастику и популярную науку⁹).

Несмотря на обилие морской эстетики в исследуемом материале, я – с его помощью – буду говорить именно о космосе. В статье я исследую связь между способами репрезентации *будущего* и *космоса* в Советском Союзе 1960-х на материале писем из новороссийской капсулы. Кроме того, я собираюсь рассмотреть капсулы времени в целом как инструмент колонизации времени, созданный, чтобы «забросить» в будущее элементы *советскости* (в широком смысле – как формы социального и политического воображения). В рамках этой статьи капсулы будут сопоставлены с такими продуктами советской космонавтики, как автоматические космические станции, нагруженные советской символикой.

Несмотря на то, что символические и смысловые ходы, которые предполагала советская колонизация космоса, были направлены на покорение пространства, а не времени, при ближайшем рассмотрении советский космос раскрывается как территория будущего, к которой применимы темпоральные категории анализа. Исследование «территоризации» будущего в космосе позволит уточнить советские логики колонизации и времени, и пространства, а также углубить понимание советских публичных дискурсов 1960-х.

Посылка в будущее

Константин Подыма, на тот момент 21-летний капитан-наставник «Шхуны ровесников», подошел к закладке капсулы с большим размахом. Помимо личных писем школьников, он постарался собрать тексты от представителей практически всех значимых страт советского Новороссийска – и более того, Советского Союза в целом. В капсуле есть письма от рабочих, учителей, музейных работников, библиотекарей, авторов советских песен. Отдельный блок составили послания от революционеров и военных – например, четыре письма от участников революции (один из которых участвовал в штурме Зимнего

⁹ KILGORE D.W.D. *Astrofuturism: Science, Race, and Visions of Utopia in Space*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010. P. 2–5.

дворца, что, вероятно, придавало его письму дополнительный символический вес). Среди авторов писем много участников Великой Отечественной войны, причем Подыма искал статусных и именитых ветеранов – орденосцев и командный состав. Помимо этого, среди магнитофонных пленок есть записанное специально для капсулы голосовое письмо Юрия Левитана, преимущественно посвященное войне, а также аудиозаписи выступлений ветеранов и военные песни. Наконец, кроме писем и аудиозаписей, в капсулу были вложены восемь бобин пленки с фильмом «Сказка о Мальчише-Кибальчише» (1964) (режиссер фильма, Евгений Шерстобитов, был символически аффилирован в «Шхуне ровесников» в должности комиссара и включен в комиссию по отбору писем в будущее). Шхунаты вспоминают, что Подыма пытался добыть для капсулы и письмо от Леонида Брежнева, но его просьба до генерального секретаря партии не дошла: обращение новороссийского журналиста сочли невыносимым нарушением субординации. Подыму вызвали «на ковер» в горком комсомола и отчитали¹⁰.

Чтобы полуметровая латунная капсула не протекла, после завинчивания ее залили эпоксидной смолой, а поверх – бетоном. Получившаяся плита должна была защитить содержимое капсулы от воды, а также воспрепятствовать подводным течениям, которые могли сдвинуть ее с выбранного места на дне бухты. Когда в 2017 году капсулу доставали, выяснилось, что ее положение на шельфе все же сместилось, но осталось в окрестностях Суджукского маяка, выбранного в качестве ориентира при закладке.

Внутренний перечень содержимого капсулы свидетельствует о степени ее символической и ритуальной значимости как для самого Подымы, так и для людей и институций, обеспечивавших «Шхуне» «тыл» – местной газеты, горкома комсомола, школьных учителей и сотрудников новороссийского Дома кино. В будущее отправлялся огромный объем памятных и идеологических материалов, призванных отобразить облик прошлого и настоящего. Материалы не без конфликтов согласовывались и с редакцией, и с горкомом комсомола, и уже по отбору текстов и объектов для репрезентации 1967 года можно понять, каким тогда представлялось будущее. Оно прямо наследовало советскому прошлому (в первую очередь военному), было идеологически неотличимо от настоящего, и в нем могли оценить статусность старших авторов писем и искренность младших. В большинстве писем прагматика отправки объяснялась двояко: с одной стороны, заявлялась археологическая функция (рассказать, как жили люди в XX веке), с другой, вос-

10 Емельянов С. *Военная тайна Мальчиша-Кибальчиша* // Российская газета. 2017. 30 октября (<https://rg.ru/2017/10/30/rodina-kapsula-1967.html>); Буравкин В.А. *Указ. соч.* С. 248–249.

питательная. Грядущему поколению от предков передавались заветы и инструкции по построению коммунизма или, в менее идеологизированных текстах, по обеспечению правильного вектора развития общества.

ЕЛЕНА МАЛАЯ
КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

По отбору текстов и объектов для репрезентации 1967 года можно понять, каким тогда представлялось будущее. Оно прямо наследовало советскому прошлому, было идеологически неотличимо от настоящего, и в нем могли оценить статусность старших авторов писем и искренность младших.

В некотором роде все содержимое капсулы представляет собой моральный и идеологический камертон для жителей будущего. Во многих письмах описываются качества, которые должны воспитывать в себе потомки, а также напоминаются основные ценности, которых они должны придерживаться. Обычно наставления людям будущего находятся в заключительной части писем:

«Живите, романтики, шутите, находите, боритесь с жизненными бурями! На вашу долю выпадет еще немало великих дел!

Будьте настоящими людьми, будьте!

С комсомольским приветом

Ученица 10 класса 102 киевской школы

Оксана [Ч.]¹¹

7.И. 1968 год»¹².

«Будьте же вы, будущие строители коммунизма, наши наследники, достойны ваших современников. Вам вручается судьба нашей Родины, так будьте настоящими хозяевами страны.

До свиданья, друг.

[А.] Любовь, 16 октября 1967 г.»¹³.

«Мир! Вот что я хочу пожелать людям двухтысячного года. Берегите мир! Помните Бухенвальд и Мамаев курган, Севастополь и Освенцим, Малую землю и Маутхаузен! Помните Вьетнам, эту маленькую горящую страну. Помните Хиросиму – город горя и ужаса!

- 11** Несмотря на то, что тексты писем находятся в открытых музейных фондах, я анонимизирую их авторов при публикации (привожу только имя и первую букву фамилии), потому что некоторые из ныне живущих авторов относятся к своим юношеским текстам со скепсисом и не хотели бы их публичного обсуждения, а с некоторыми авторами мне, к сожалению, не удалось связаться при подготовке статьи. Тем не менее указание инвентарных шифров из музейных фондов должно решить проблему атрибуции.
- 12** ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/131.
- 13** ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/107.

Берегите мир и цветы! Забудьте это страшное, проклятое всеми женщинами мира, слово “война”! Оно несет смерть и кровь!
[С.] Зоя»¹⁴.

В цитированных фрагментах звучат требования к людям будущего: моральные («*будьте настоящими людьми*»), экономические («*будьте настоящими хозяевами страны*»), а также коммеморативные и антивоенные («*помните Бухенвальд*», «*берегите мир!*», «*забудьте это страшное [...] слово “война”!*»). Подобные обращения регулярно возникают в письмах и многое говорят об их прагматике. Капсула времени является не только набором предметов для музеев будущего, самостоятельно отобранных «прошлым», но и инструментом корректировки грядущего, с помощью которого можно попытаться повлиять на потомков.

ПРОГУЛКИ НА МАРС

В новороссийскую капсулу времени был фактически помещен основной исторический нарратив Советского Союза: тексты и артефакты в ней реконструировали советское прошлое от революции до войны и послевоенного восстановления и продолжали его образами космического будущего. Нужно сказать, что из 66 писем, вложенных в капсулу, описание будущего есть далеко не во всех. Многие тексты представляют собой рассуждения о своем поколении, клятвы (трудиться и быть достойным гражданином страны), описания школьных и комсомольских мероприятий, перечисление советских достижений к 1967 году, призывы к потомкам достойно нести эстафету предков, рассказы о войне, фрагменты стихов. Тем не менее, когда авторы берутся детально описывать 2017 год, они обязательно обращаются к космосу.

Вернемся к письму Оли, с которого началась эта статья. В ее тексте перечисляются достижения советской власти к пятидесятилетию октябрьской революции – такие списки во многом определяют жанр советских посланий в будущее. Однако Олино письмо из всех возможных достижений делает акцент именно на космических успехах. Приведу его текст целиком (здесь и далее в цитатах сохраняется орфография источника):

«Дорогой друг! Здравствуй!
Я пишу тебе, потому что завидую твоей судьбе. Нет, я не считаю, что живу в неинтересное время, наоборот [так в тексте. – Е. М.]»

14 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/104.

я была свидетелем запуска первого спутника Земли: в годы, когда я живу, впервые в мире советский человек поднялся в космос и облетел вокруг Земли, побывала в космосе советская женщина, осуществлен первый в мире выход человека в космос – и всегда впереди были наши советские космонавты.

И все же я завидую тебе, ведь ты будешь жить в годы, когда наша великая держава будет отмечать свой столетний юбилей, а не пятидесятилетний, как в нынешнем, 1967 году.

Ты будешь свидетелем межпланетных массовых космических полетов, будешь жить на какой-нибудь другой планете, но всегда будешь вспоминать свою родную планету.

Возможно, что в годы твоей жизни будет разрешен вопрос бессмертия человека, люди научатся превращать человека в вечно живущего.

А как изменится общество к 2017 году. Не будет больше угнетения человека человеком, а во всем мире будет тот самый мировой социализм, о котором мечтали наши деды, создавая наше государство, о котором мечтаем мы сейчас.

Я хочу, чтобы те годы были такими, какими я представляю их, чтобы ты был счастлив, мой друг, человек, которому в 2017 году исполнится 17 лет – столько, сколько мне сейчас.

С горячим приветом
ученица 10 А класса
21 средней школы
[П.] Ольга
Новороссийск
17 октября 1967 г.»¹⁵

Этот сравнительно короткий текст отражает основные особенности жанра писем в будущее¹⁶. Он во многом состоит из формул советской официальной речи («великая держава», «угнетение человеком человека», «мировой социализм» и так далее). Кроме того, несмотря на то, что письмо представляется индивидуальным и написано конкретным автором (а не обобщенным коллективом, как часто бывает с письмами в будущее), его субъектность осложнена. Как большинство примеров этого жанра, оно написано от лица не частного человека, а гражданина, рассуждающего в масштабах страны¹⁷. Из событий своей жизни

15 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/100.

16 Дементьев В. В. *Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности* // *Quaestio Rosica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 132–149; Малая Е. К. *Капсула времени в постсоветском совхозе* // *Антропологический форум*. 2020. № 47. С. 83–110; Вандышев М. Н., Прямикова Е. В., Веселкова Н. В. *Индустриальная память: масштабы и множественность*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022.

17 Эта жанровая особенность, впрочем, имеет исключения: в корпусе новороссийских писем, несмотря на жесткий отбор посланий Штабом по отправке писем в будущее, содержится некоторое количество личных текстов, фокусирующихся на внутреннем мире авторов и частных особенностях их жизни. Тем не менее большинство примеров этого жанра представляют собой или полностью коллективные послания, или индивидуальные, но соотнесенные с коллективным советским опытом.

Оля выбирает те, которые обладают государственным и космическим масштабом («я была свидетелем запуска первого спутника Земли: в годы, когда я живу, впервые в мире советский человек поднялся в космос и облетел вокруг Земли» – и так далее). Таким образом, текст обезличен: из него можно узнать только имя и возраст школьницы, все остальные факты касаются не Олиной жизни, но государственных и общечеловеческих достижений (что в рамках письма означает одно и то же).

Интересно, что ее отношения с воображаемым читателем предполагают модальность зависти – это тоже частый риторический прием советских писем в будущее. В новороссийской капсуле лежат еще около десятка писем, с разных позиций раскрывающих эту связь: или автор завидует потомку, или потомок должен позавидовать поколению 1967 года, или зависть предков и потомков к достижениям друг друга предполагается взаимной.

Капсула времени является не только набором предметов для музеев будущего, самостоятельно отобранных «прошлым», но и инструментом корректировки грядущего, с помощью которого можно попытаться повлиять на потомков.

Обратим внимание на перечень космических достижений Советского Союза, который предлагает это письмо. Это запуск первого спутника (1957), первый полет человека в космос (1961), полет в космос первой женщины (1963), а также выход в открытый космос (1965). Оля подчеркивает первенство СССР в каждом из этих достижений и повторяет космическую хронологию, известную всем советским школьникам. Однако письмо оставляет этот список открытым: достижения Олиного времени неминуемо должны померкнуть в сравнении с подвигами столетней советской державы. В этом убеждении звучит телеология линейного прогресса, предполагающего поступательный и равномерный рост¹⁸. Оля намечает контуры этого космического будущего: межпланетные перелеты, заселение других планет, мировой социализм и человеческое бессмертие.

Через несколько лет после того, как 4 октября 1957 года в рамках «международного геофизического года»¹⁹ СССР запус-

18 Об этом я писала ранее: Малая Е.К. *Указ. соч.*

19 О роли международного геофизического года в космической гонке см.: MCDUGALL W. *Heavens and the Earth: A Political History of the Space Age*. New York: Basic Books, 1985; DE VORKIN D.H. *Preserving the Origins of the Space Age: The Material Legacy of the International Geophysical Year (1957–1958) at the National Air and Space Museum* // KRUPNIK I., LANG M.A., MILLER S.E. (Eds.). *Smithsonian at the Poles: Contributions to International Polar Year Science*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Scholarly Press, 2009. P. 35–47.

кает «Спутник-1», за этой датой закрепляется темпоральная формула «утра» или «начала космической эры», извлеченная, по-видимому, из записей бесед Александра Чижевского и Константина Циолковского. Особенно широко она распространяется в прессе и художественной литературе после полета Гагарина. 12 апреля, хотя и не на первых ролях, но входит в годовой круг советских праздников со следующего года (указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1962 года). Таким образом, полет в космос интерпретируется не только как вершина социалистического развития, но и как начало новой эпохи человеческой истории. Другие цитаты из писем новороссийской капсулы времени это подтверждают:

ЕЛЕНА МАЛАЯ

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

«Студенты 60-х годов – народ веселый, неугомонный, жаждущий открытий. Еще бы! В мире столько интересного! Восторг и удивление левитановскому сообщению: “Человек в космосе!” – улеглись. Нам подавай: “Человек на Луне!” И мы верим – это будет, “потому что нам нельзя иначе!”. [...]

Студенты новороссийского индустриального техникума»²⁰.

«Когда-то Циолковский [так в тексте. – Е. М.] мечтал о космосе, а сейчас человек поднимается на планеты. Я уверена, что скоро люди будут жить на Луне. Я думаю, что вы продолжите эстафету наших покорителей космоса и побываете не только на Луне, но и освоите другие планеты. [...]

Татьяна [Р.]»²¹.

Выход человечества в космос прочно встраивается в советскую «линию времени». Оттепельные и позднесоветские картографии советской истории (мозаики²², рельефные панно, плакаты, тематические выпуски советских журналов, организации музейных залов и так далее) начинают ее отсчет от революции и гражданской войны; следующей точкой напряжения в ней становится Великая Отечественная война, а на последнем отрезке этой линии времени открывается космос – как новый горизонт советского прогресса, окончательная победа в «холодной войне» и шаг навстречу поистине мировой революции²³.

20 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/42.

21 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/116.

22 Например, мозаичное панно к 55-летию советской власти («Радость труда», 1972, автор Юрий Королев) в Тольятти, занимающее площадь более 500 м² и только недавно переставшее находиться под угрозой сноса, состоит из 16 эпизодов. История на нем начинается с образов красноармейцев, отдельно изображены создание СССР и программа ликбеза, несколько сцен отведено ужасам войны и на второй стороне стены фронтально изображен космонавт, стоящий на земном шаре в окружении планет и светил. Только после этого панно переходит к локальной истории – созданию «АвтоВАЗа» и выпуску им первого автомобиля. Подобных визуальных историографий в советской мозаике существует много, см., например: NIKIFOROV Y. *Decommunized: Ukrainian Soviet Mosaics*. Berlin, DOM publishers, 2017. P. 78–80.

23 Болтунова Е. М. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6(116). С. 109–128; GABOWITSCH M. *Victory Day before the Cult: War Commemoration in*

После полета Гагарина появляется формула «От “Авроры” – до “Востока”», обозначившая символические рубежи советской истории, начавшейся выстрелом легендарного крейсера и триумфально продолжающейся полетом в космос²⁴. Таким образом создается ощущение, что все события канонизированной советской истории ведут к космосу.

Новая эпоха – коммунизма и межпланетных космических перелетов – должна была наступить в обозримое время, ее дыхание уже ощущалось поколением 1960-х²⁵. Это близкое (завтрашнее), но одновременно распахнутое в бесконечность будущее должно было осмыслиться и визуализироваться.

Исследовательница Лиза Мессери изучает способы, которыми различные специалисты превращают космос из равнодушного и смертельно опасного пространства в набор обозримых мест человеческого масштаба, domesticiруют его – иными словами, превращают из *space* в *place*²⁶. Изучая практики моделирования «местности» иных планет с помощью земных категорий и инструментов (ландшафтов, ракурсов, геологических наблюдений), она показывает, как космическое чужое выстраивается в качестве земного и знакомого и в научных, и в популярных интерфейсах.

В текстах новороссийских школьников космос тоже предстает как *place*, а не *space*, причем это место максимально одомашнено. Космос будущего «приручен» и привычен – согласно Олиному письму, ее корреспондент из будущего вспоминает родную планету, но живет на другой, словно в другом городе. В письме, написанном шестиклассниками новороссийской школы № 12 (цитата в следующем параграфе), выдвигаются предположения о существовании в будущем межпланетных такси²⁷.

Образ обжитого космоса подкрепляется научной фантастикой, в том числе детской. Например, в «Девочке, с которой ничего не случится», первой книге «алисианы» Кира Булычева (Игоря Можейко), Игорь Селезнев буднично обещает свозить дочку летом на Марс²⁸. В сборнике «Полдень, XXII век» Стру-

the USSR, 1945–1965 // The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia. Routledge, 2021. P. 64–85; КОЗЕВНИКОВ А. *The Cultural Spaces of the Soviet Cosmos // ANDREWS J. T., SIDDIQI A. A. (Eds.). Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 15–27.

- 24** Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 316.
- 25** Бойм С. *Космос в женском туалете // Неприкосновенный запас*. 2019. № 2(124). С. 197–208; Фокин А. А. *Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века*. Дис. канд. ист. наук. Челябинск, 2007; Уль К. *Указ. соч.* С. 279–326; Вайль П., Генис А. *60-е. Мир советского человека*. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- 26** MESSERI L. *From Outer Space to Outer Place // IDEM. Placing Outer Space: An Earthly Ethnography of Other Worlds*. Durham: Duke University Press, 2016. P. 1–24.
- 27** ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/98.
- 28** Булычев К. *Девочка, с которой ничего не случится // Мир приключений. Альманах*. № 11. М.: Детская литература, 1965. С. 638.

гакие вкладывают мысль об обыденности космических полетов в уста *гостя из прошлого*, космолетчика Жени Славина, и звучит она буквально так же: «вы летаете к звездам, как мы летали к маме на летние каникулы»²⁹. О мире «Полдня» как о «не по-советски» частном и индивидуально ориентированном исключении пишет Ирина Каспэ³⁰, и, как видно по приведенным выше примерам, образ «домашнего» и «удобного» космоса есть не только в произведениях Стругацких.

ЕЛЕНА МАЛАЯ

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

В текстах новороссийских школьников космос предстает как *place*, а не *space*, причем это место максимально одомашнено. Космос будущего «приручен» и привычен.

Рассмотрим еще один текст. Так же, как и Оля, восьмиклассница Лида в коротком письме, помещенном в капсулу времени «Шхуны ровесников», представляет космические полеты в контексте личных перемещений и частных прогулок:

«Я обращаюсь к тебе, мой ровесник!

Если бы ты знал, как я хочу, чтобы в нашей стране были изобретены такие машины, на которых можно было бы делать прогулку на Венеру, Марс, Юпитер и другие планеты. А знаешь ты, как это здорово – делать прогулки по другим планетам, которые ты мало знаешь! Недавно был запущен советский спутник “Венера-4”. Я, товарищи, думаю, что еще за 50 лет вы добьетесь того, о чем так давно мечтаю я. На планетах растут города. Ученые предполагают, что на Марсе есть растительность, а если есть растительность, значит, есть и люди.

Мальчик ты или девочка, я прошу тебя, исполни мою просьбу: напиши на Марс, узнай, есть ли на Марсе люди?

Лида [Н.]»³¹.

Идея «делать прогулку на Венеру» тоже представляет советское будущее как пространство обжитого космоса. Пятьдесят лет, отделяющие год получения писем от подвигов утра космической эры, представляются временем последовательного развития всех прежних начинаний – полеты, бывшие делом немногих героев, становятся доступными всем советским людям. Космос включается в советскую ойкумену.

29 Стругацкий А., Стругацкий Б. *Полдень XXII век (Возвращение)*. М.: Детская литература, 1967. С. 99.

30 Каспэ И. *Смысл (частной) жизни и литература Стругацких // Она же. В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 233–271.

31 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/115.

Тем не менее если присмотреться к короткому тексту Лиды, то космос будущего окажется неоднородным и распадется на два разных воображаемых пространства. Призыв написать на Марс выглядит несколько неуклюжей попыткой соединить в письме два нарратива о красной планете. Начало текста включает Марс в обжитый космос, где, по выражению героя гайдаевской комедии, «наши корабли бороздят просторы вселенной» и где на одной из планет живет адресат Оли. Второй нарратив связан с представлением о Марсе как о пока недоступной планете, о которой во время написания письма не известно, есть ли там жизнь («наука пока еще не в курсе дела», в соответствии с цитатой из более ранней «Карнавальная ночь»). В этом фрагменте письмо восьмиклассницы начинает переключаться с устойчивой, как минимум двадцатилетней (начиная с 1940-х) репрезентацией Марса в научно-фантастической, детской и подростковой литературе как таинственной планеты, вероятно, покрытой растительностью³². В логике письма эта просьба выглядит анахронизмом: если корреспондент Лиды может «делать прогулки» на Марс, то, вероятно, о существовании или отсутствии марсиан он знает и так. Впрочем, этой просьбой заканчивается письмо, так что скорее всего мы имеем дело с попыткой сделать финал более эффектным. Тем не менее в нем как будто звучит условная возможность продолжения корреспонденции с будущим: Лида просит написать на Марс *для нее*, как если бы о результатах этой переписки она могла бы узнать из ответного послания. Эта эпистолярная проекция (ее собственное письмо в *пока недостижимое время* превращается в письмо в *пока недостижимое пространство*) демонстрирует, как в любительских, школьных формах публичного советского письма видны швы и стыки социального воображения. Работа по их согласованию в письмах непрофессиональных советских авторов могла проводиться грубее, чем у создателей программных текстов (репортеров, писателей, идеологов), и ее следы можно заметить невооруженным глазом. В результате в тексте присутствуют два Марса, различающихся темпорально: один, синхронный Лиде и недоступный, соединен с другим, обжитым Марсом будущего. Переход из *space* в *place*, ключевой для космического воображения, осмыслен через прием письма – отправляемого одновременно и во времени, и в пространстве.

32 См. повесть «Великое противостояние» Льва Кассила (1947), главная героиня которой хочет стать астрономом и подтвердить гипотезу Гавриила Тихова о существовании на Марсе синей флоры; или более позднюю повесть Веры Кузнецовой «Необычайное путешествие» (1955), последняя часть которой также опирается на гипотезу Тихова.

В письме Лиды сквозь обжитый космос будущего проступает другой, неприрученный и опасный, с которым «работала» советская космонавтика. Он выстраивался по канонам пространств более раннего социального воображения – в первую очередь Арктики, покорением которой были пронизаны публичные нарративы 1930-х³³. В обоих случаях речь шла о незаселенных и опасных пространствах, в которых невозможно находиться вне «пузырей жизни» полярных или космических станций и без дополнительной защиты. Попадая в эти пространства, советский герой должен раздвигать границы обжитого: расширять пространство жизни, налаживать связь и противостоять угрозам, приходящим *снаружи*. Но главное – он привносит туда советскость как катализатор будущего³⁴.

При этом космос «опасных рубежей» не противоречит описанной ранее утопической модели его доместикации – в советской логике они различаются темпорально. По мере продвижения фронта те части космоса, которые еще недавно были пространствами опасности, окультуриваются и «приручаются». Иногда это происходит в рамках одного произведения: так Марс в цикле «Полудня» Стругацких сначала предстает опасной и только частично заселенной пустыней, где по ночам охотится «летающая пиявка» ора-тобу хиру. Затем в рассказах о более позднем будущем этот хищник приручается в буквальном смысле слова³⁵. Как отмечает Александра Ермолова, покорение новых планет и превращение их в доступные пространства обыденной жизни – два самых популярных сюжета детских рисунков на космическую тематику в 1950–1960-х³⁶.

Время и пространство в советском колониальном воображении переходят друг в друга: футуристический звездный поиск приводит землян к «отсталым» планетам, которые нужно развивать. Колонизация космоса мыслится как одновременно пространственное и темпоральное включение в советскую ойкумену новых планет: они «обезвреживаются» и превращаются в безопасные (путем терраформирования, приведения атмосферы к земной, борьбы с локальными угрозами), а в случае обитаемос-

33 Об обживании Арктики и проектах смягчения ее климата в советской фантастике см.: ФРАНК С. Теплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива // Новое литературное обозрение. 2011. № 2. С. 82–97.

34 GEROVITCH S. «New Soviet Man» inside Machine: Human Engineering, Spacecraft Design, and the Construction of Communism // Osiris. 2007. Vol. 22. № 1. P. 135–157; ИДЕМ. «Why Are We Telling Lies?» The Creation of Soviet Space History Myths // The Russian Review. 2011. Vol. 70. № 3. P. 460–484; СИДДИҚИ А.А. The Red Rockets' Glare: Spaceflight and the Russian Imagination, 1857–1957. New York: Cambridge University Press, 2010.

35 СТРУГАЦКИЙ А., СТРУГАЦКИЙ Б. Указ. соч. С. 255.

36 ЕРМОЛОВА А.И. «Саша рисует ракету, а Боря рисует конфету...»: образы космоса в журналах для детей конца 1950–1960-х годов // Наследие веков. 2021. № 2. С. 24–34.

ти на них начинается борьба с «отсталым» временем населения, «дотягивание» их до современного будущего Земли, понимаемого как социалистическое или коммунистическое.

Модерность как темпоральный режим неравенства использует время как инструмент колонизации. Хоми Баба показывает, что колонизированный субъект всегда отстает от времени центра, который позиционируется как «опережающий» его в развитии³⁷. Колония позиционируется как нуждающаяся в одомашнивании, развитии и скоростной «возгонке» до уровня метрополии. Концепция прогрессорства, распространенная в советской научной фантастике³⁸, вполне соответствует этой логике. Герои советских писателей на практике проверяют, может ли инопланетное общество, направляемое просвещенной Землей, перепрыгнуть через одну или две ступени общественного развития³⁹.

Время и пространство в советском колониальном воображении переходят друг в друга: футуристический звездный поиск приводит землян к «отсталым» планетам, которые нужно развивать. Колонизация космоса мыслится как одновременно пространственное и темпоральное включение в советскую ойкумену новых планет.

Итак, в научных, политических и художественных нарративах космос оказывается местом, в котором случается советское будущее. За «утром космической эры» должен прийти день (или *полдень* Стругацких), радикально расширяющий границы советскости в межзвездном пространстве. Письма из 1967 года отправляются туда – ну, или по крайней мере в более позднее

37 Внавна Н.К. «Race», *Time and the Revision of Modernity* // *Oxford Literary Review*. 1991. Vol. 13. № 1. P. 193–219.

38 Кукулин И.В. *Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики* // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. С. 169–201; Хоруженко Т. *Принудительное счастье космической колонизации: советский проект в научной фантастике* // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 3. С. 761–775; Липовецкий М.Н. *Еще раз о комплексе прогрессора* // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 1(99). С. 173–190; Иванов К. *Воображаемые космические путешествия в ранней советской научной фантастике* // *Логос*. 2018. № 2(123). С. 159–224.

39 Критические произведения, например, «Трудно быть богом» (1964) Стругацких, показывают скорее тактические ошибки прогрессоров и их одиночество во враждебной системе, чем принципиальную невозможность направленного развития далеких планет. В то же время использование Ильей Кукулиным формулировки «постколониальная» по отношению к более поздним произведениям Стругацких несколько усложняет эту картину, как и наблюдение Марка Липовецкого о том, что прогрессоры сами оказываются колонизированными субъектами: внутри сюжета – Странниками, снаружи – самим контекстом советской системы. См.: Кукулин И.В. *Указ. соч.*; Липовецкий М.Н. *Указ. соч.*

«утро». При этом и космос является будущим для советского проекта, новым шагом его пространственной экспансии, и, наоборот, советскость, привнесенная на другие, пока что дикие и необжитые, планеты, приближает их к будущему.

ЕЛЕНА МАЛАЯ

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

РАКЕТЫ В БУДУЩЕЕ

Символические колониальные практики в советской космонавтике применялись и при практическом проектировании летательных аппаратов. Сразу в нескольких письмах новороссийской капсулы времени упоминается главная космическая новость 1967 года: 12 июня была запущена автоматическая межпланетная станция «Венера-4», которая через 17 недель достигла Венеры. Станция, разработанная НПО имени С.А. Лавочкина, стала первым аппаратом, достигшим планеты, прошедшим ее атмосферу и зашедшим на посадку при сохранении связи с Землей⁴⁰. Это событие во многом определило положение советской венерианской программы в 1960-х, успешной по сравнению с неудачными попытками достичь Марса и других планет Солнечной системы⁴¹.

Помимо приборов (датчиков температуры, давления и плотности, газоанализаторов химического состава атмосферы и радиовысотомера), в спускаемом аппарате находились символически значимые предметы: металлические вымпелы с эмблемами Советского Союза. Их упоминание также встречается в одном из писем новороссийских школьников в будущее – в то же будущее, в котором предполагалась работа межпланетных такси:

«В канун 50-летия Октябрьской революции мир потрясла новая победа научной мысли и технического совершенства: на планету Венеры приземлилась космическая станция “Венера-4” с вымпелом Советского Союза [курсив мой. – Е.М.]. В эти дни впервые совершены беспосадочные перелеты Москва–Магадан и Москва–Петропавловск–Камчатский женским экипажем под командованием Валентины Руслановой. Мы видим как [так в тексте. – Е.М.] стремительно развивается человеческий гений. То, что было рекордным 10 лет тому назад, сегодня кажется заурядным. Вы, наверное,

40 Впрочем, несмотря на успешное срабатывание посадочной системы и плавный спуск с передачей информации на Землю, аппарат «Венера-4» был раздавлен атмосферой Венеры до касания поверхности. В литературе встречаются также упоминания полета станции «Венера-3» (1966) как успешного, но, несмотря на то, что он, видимо, в итоге достиг поверхности планеты, связь с ним прервалась за 17 дней до прибытия. Тем не менее заметка в «Правде» от 2 марта 1966 года называет эту миссию успешной и не сообщает о потере связи. См.: МАРОВ М.Я., ХАНТРЕСС У.Т. *Советские роботы в солнечной системе. Технологии и открытия*. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2018. С. 221–223; *Вымпел с гербом СССР на планете Венера* // Правда. 1966. 2 марта. С. 1.

41 МАРОВ М.Я., ХАНТРЕСС У.Т. *Указ. соч.* С. 213–223; 525.

улыбнетесь снисходительно, читая о событиях, которые кажутся нам потрясающими. В Ваше время, может быть, установится постоянная связь с другими обитаемыми мирами, будут ходить межпланетные “такси”. Может быть, Вы превзойдете все наши даже смелые мечты»⁴².

Этот фрагмент письма от лица пионеров новороссийской школы № 12 встраивает доставку вымпелов на Венеру в ряд других примеров покорения неба.

Вымпелы – металлические символические объекты, которые должны были разлететься вокруг места падения космического аппарата, помещались внутрь их корпусов начиная с первых миссий лунной программы Е-1 и Е-1А («Луна-1» и «Луна-2», оба – 1959 год). Обычно они изготавливались в виде сфер с процерченными линиями разлома и размещенным внутри взрывчатым веществом – при ударе о поверхность шары должны были распадаться на алюминиевые пятиугольники с выгравированными эмблемами СССР. «Луна-2» смогла достичь цели и доставить вымпелы на лунную поверхность – в честь чего Никита Хрущев презентовал их дубликаты Дуайту Эйзенхауэру при личном визите в Нью-Йорк в сентябре 1959 года.

Вымпелы на Луне и других планетах (помимо Венеры, они отправлялись на Марс) должны были символически маркировать новые пределы советской ойкумены. Их дизайн менялся: вымпелы, использованные при полетах к Венере с 1961 года, помещались в цветной глобус Земли, сделанный из титана. Океаны были окрашены в синий, континенты – в золотой цвета, а при расколе из глобуса выпадала круглая медаль с гербом СССР. Внутренняя оболочка, как и в лунных моделях, дробилась на стальные пятиугольники меньшего размера с текстом «Земля–Венера» и указанием года. Глобус одновременно должен был работать, как поплавков, в случае попадания в жидкость⁴³. Первым таким «глобусом» стал вымпел станции «Венеры-1» (1961), впрочем, не долетевший до планеты. В том или ином виде достиг поверхности вымпел «Венеры-3», которая, несмотря на выход из строя еще до подлета к планете, вероятно, вошла в ее атмосферу (предположительное место падения – к востоку от кратера Мид, названного в честь антрополога Маргарет Мид)⁴⁴.

42 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/98.

43 Маров М.Я., Хантресс У.Т. *Указ. соч.* С. 133–134; Плискин Г.А. *Вымпелы летят к планетам: первые космические вымпелы ОКБ-1 (1958–1966)*. СПб.: ДЕАН, 2017. С. 67–91.

44 Сейчас поиск вымпелов (как тех, что остались на Земле после неудачных запусков аппаратов, так и дубликатов успешных миссий) составляет предмет интереса коллекционеров и журналистов. Один из них, Геннадий Плискин, собрал богатую коллекцию вымпелов и опубликовал богато иллюстрированную книгу об их производстве и дизайне (Плискин Г.А. *Указ. соч.*). Мемориальный музей космонавтики в Москве также экспонирует коллекцию лунных вымпелов: <https://kosmo-museum.ru/news/lunnye-vympely-sssr>.

Вымпелы, забрасываемые на небесные тела, представляют собой знаки советского присутствия. Маркирование ими достигнутого рубежа может рассматриваться как колониальная практика – эмблемы с советским гербом отмечают места, на которые пусть символически, но распространяется советская власть. При этом, учитывая, что в космосе локализуется будущее, эти объекты можно интерпретировать как своеобразные семена, которые должны впоследствии «прорасти» в устойчивый советский порядок, адаптирующий космические объекты под себя. Например, в детском диафильме «Станция Луна» (1967) рассказ о покорении Луны начинается с вымпела с советским гербом, заброшенного на ее поверхность в 1959 году, а заканчивается советскими городами с гуляющими по их улицам семьями в скафандрах и очередями на рейс «Земля–Луна»⁴⁵.

Космические аппараты NASA тоже несли в себе американскую символику в виде небольших флагов Соединенных Штатов – традиция, продолжившаяся с установкой полноразмерного флага с жестким каркасом на Луне в 1969 году. Перед отправкой «Аполлона-11» в NASA велись дискуссии об уместности именно национального флага на Луне, особенно острые в контексте того, что в 1967-м члены ООН подписали Договор о космосе, исключающий территориальные и военные притязания на небесные тела и предполагающий совместное и мирное использование его пространства. Тем не менее на Луне был установлен национальный флаг США, а не флаг ООН, что, как и в случае с советской символикой, подкрепило образ именно государственной экспансии (несмотря на претензию на общечеловеческие смыслы)⁴⁶. Помимо флага, на Луне были оставлены золотая оливковая ветвь и мемориальная доска с опоры модуля «Аполлона-11» с посланием от лица человечества. Важным в контексте этого исследования кажется оставленный на поверхности Луны кремниевый диск с «Посланием доброй воли» – микроскопическими фрагментами обращений четырех президентов США разных лет и лидеров других государств, поддержавших лунную программу NASA⁴⁷. Из-за хрупкости диск был доставлен на Луну в алюминиевой капсуле. Его сходство с практикой закладки капсул времени, изначально сложившейся в США, исключительное – с той лишь разницей, что капсулы обладают датой распечатки.

На связь капсул времени с космическими аппаратами обращает внимание Ник Яблон, проследивший ее на американ-

45 Клушанцев П.В. *Станция Луна* / илл. Бундин В.А. М.: Диафильм, 1967. Российская государственная детская библиотека. МУЗ-РЕД. Инвентарный номер ДФ-18724 (<https://arch.rgdb.ru/xmlui/handle/123456789/47960#page/41/mode/1up>).

46 GORMAN A. *The Cultural Landscape of Interplanetary Space* // Journal of Social Archaeology. 2005. Vol. 5. № 1. P. 85–107.

47 *Apollo 11 Goodwill Messages 1969* (https://history.nasa.gov/ap11-35ann/goodwill/Apollo_11_material.pdf).

ском материале⁴⁸. Советский Союз, заимствовавший у США практику закладки капсул, сделал это, вероятно, не раньше 1959 года⁴⁹, после знакомства с капсулой времени компании «Westinghouse Electric» (1938). Начиная с нее американские капсулы времени были тесно связаны с космической эстетикой. Организатором закладки капсулы 1938 года был Джордж Эдвард Пендрей – энтузиаст ракетостроения, научный журналист, впоследствии принявший участие в создании NASA⁵⁰. Благодаря его экспериментам с ракетами, капсула получила аэродинамическую форму, непроницаемый блестящий корпус и название «Time bomb», впоследствии измененное на «Time capsule» (капсула Пендрея дала имя всему жанру этих объектов). В 1934-м Пендрей стал соучредителем Американского межпланетного общества (сейчас – Американский институт аэронавтики и астронавтики, American Institute of Aeronautics and Astronautics).

Вымпелы, забрасываемые на небесные тела, представляют собой знаки советского присутствия. Маркирование ими достигнутого рубежа может рассматриваться как колониальная практика – эмблемы с советским гербом отмечают места, на которые пусть символически, но распространяется советская власть.

Первая капсула времени в Советском Союзе также была связана с космическим воображением – по всей видимости, ею стала «Ракета времени», заложенная в пионерском лагере «Артек» в 1960-м на 40 лет, до 2000 года. В корпусе взлетающей ракеты, установленной возле домика основателя лагеря Зиновия Соловьева, находились письма пионеров, отправленные к яркому темпоральному рубежу – началу третьего тысячелетия нашей эры.

Следующие советские капсулы, включая новороссийскую, отходят от формы космических аппаратов, но сохраняют с ними смысловое сходство. Они функционируют аналогичным образом: отправляются на границы советской ойкумены и несут

48 YAVLON N. *Op. cit.* P. 301.

49 Я предполагаю, что это случилось после взаимных визитов американского и советского руководства и обмена выставками: советских достижений на площади Columbus Circle в Нью-Йорке (открыта 29 июня 1959 года) и американских – в парке Сокольники (открыта 24 июля 1959 года), в котором состоялись знаменитые «кухонные дебаты» Хрущева и Никсона.

50 ВЕСК J. *The Call of the Anthropocene* // *Cultural Politics*. 2014. Vol. 10. № 3. P. 407.

туда символические объекты, утверждающие и укрепляющие отправившую их власть – письма, наполненные коммунистическими формулами, комсомольские значки, аудио- и видеопленки с просоветскими материалами. Сохранность содержимого обеспечивается герметичной оболочкой: аппарат «Венера-4» должен быть так же изолирован от влияния внешней среды, как и новороссийская капсула времени, лежащая на дне моря. Радикальная изоляция зацементированного «снаряда» с советскостью заставляет вспомнить о первом названии капсулы компании «Westinghouse Electric» – «Time bomb». Бомба времени закладывается в удаленном месте, чтобы не детонировать раньше срока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В текстах новороссийской капсулы времени не всегда есть подробные описания того или иного будущего – основную их часть составляет рассказ о прошлом или настоящем. Тем не менее, когда будущее появляется в текстах, оно располагается в космосе. Космос представляется местом будущего, его одомашненным ландшафтом, по которому ходят межпланетные такси, а на разных планетах живут и ездят друг к другу в гости бывшие земляне. Это надежный, прирученный мир. Доместикация будущего происходит на площадках утопического воображения – помимо писем потомкам, в первую очередь в научной фантастике. Художественная литература рисует и фронтир покоренного космоса – потенциально несущий угрозу, но удаленный от обжитого центра на безопасное расстояние. По мере его расширения и включения новых областей в советскую ойкумену они также «цивилизуются», а их «отсталость» или «дикость» преодолевается. Такой переход от *space* к *place* характерен для колониального воображения, которым пронизаны как письма потомкам, так и смысловые логики советской космонавтики.

При этом сами капсулы времени как объекты (в отличие от лежащих в них писем) работают не с одомашненным будущим, а с фронтирным – так же, как и автоматические космические станции. И те и другие «выстреливают» элементами советскости, забрасывая их за передний край, как бы отмечая места ее будущего присутствия. Фронтир отличается от обжитого мира темпорально: там, где в 1960-е находятся только алюминиевый выпел или комсомольские значки, в будущем ожидается устойчивый советский порядок. И если некоторые авторы писем еще сомневаются в возможности в 2017 году совершать космические прогулки на другие планеты, то более далекое бу-

дущее однозначно предполагает пассажирские межзвездные перелеты.

И капсулы времени, и космические аппараты напрямую наследуют баллистическим снарядам военной индустрии (ср. названия «Time bomb», «ракета времени») и «заряжены» советскостью. Это подтверждает еще одно наблюдение: в 2017 году капсулу «Шхуны ровесников» опасались поднимать со дна моря. По словам одной из моих собеседниц, связанной с организацией поиска и подъема писем, принятию решения о подъеме предшествовали сомнения и споры. Капсула казалась небезопасной: по словам моей собеседницы, *«в ней слишком много политики, там столько коммунистических призывов и советских лозунгов»*. Позже она добавила: *«Мы беспокоились, что люди увидят, какое будущее не случилось и какое настоящее сейчас. Сильный контраст»*⁵¹. Таким образом, капсулы времени «фонят», как радиоактивное вещество, – и распространяют советскость вокруг себя. Иными словами, продолжают осуществлять колонизацию времени, для которой и были созданы.

51 Цитата по полевому дневнику, июль 2021 года.